

УДК 316.334.2

Т. Г. Каменская, канд. с. наук, доц.Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра социологии

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ САМОЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВИРТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема социально-экономической самозащиты населения в контексте виртуализации современной реальности. Функции социальных институтов, которые декларируются и рекламируются, в определенной мере не соответствуют реальным функциям. "Фантом расчета" является основанием виртуализации функций социальных институтов. В этих условиях в исследованиях социальных отношений важно учитывать использование социальных институтов для социально-экономической самозащиты.

Ключевые слова: социально-экономическая самозащита населения, социальные институты, виртуализация.

В ходе последней переписи населения в Украине пришлось столкнуться с откровенной заинтересованностью на многих уровнях в искажении статистики. Данный факт закрепляет определенный статус за существованием двух форм социальной реальности: фактологической и некой декларативной, которую можно назвать виртуальной. Именно термин *виртуальная* является более широким, вмещающим в себя и часть субъективных перцепций, установок, ориентаций, и часть политических манипулятивных аспектов, и еще некоего наиндивидуального "*фантома расчета поведения*" [1], постепенно усиливающегося по мере рационализации жизни. Процесс виртуализации важно учитывать в различных социологических исследованиях, особенно в социоинженерных. В данной работе мы ставим целью логически обосновать необходимость выявления и учета виртуальной сферы, в частности, в области социальной политики и социальных отношений, благодаря которой (виртуальной сфере) и можно будет объяснить перманентную проблему расхождения научно-теоретических данных с общественной практикой.

Построение гражданского общества в Украине, прежде всего, связано с гуманизацией в сфере социальной политики. Социальная политика, как известно, базируется на социальных отношениях. Последние до сих пор однозначно не определены и являются предметом исследования социологии, экономики, политологии, философии, социальной работы и т. д. Трактовка социальных отношений в советской социологии чаще сводилась к тому, что это "аспект общественных отношений" (М. Н. Руткевич). Сегодня мы говорим о социальных отношениях как

о показателе базовых отношений взаимозависимости людей по поводу их жизненного пространства, средств воспроизводства и совершенствования жизни.

Социальные отношения базируются на реальных потребностях субъектов в пище, одежде, жилье, общении, знаниях, взаимопонимании. Объективно-субъективная природа общественных отношений позволяет субъектам удовлетворять их в различных формах. "Противоречия между объективной и субъективной формами реализации социальных потребностей могут перейти в конфликты" [5]. Причем это могут быть конфликты как внутриличностного плана, переводящие субъектов из носителей социальных отношений в объекты социальной защиты, помощи и в целом социальной работы, так и социальные конфликты, различного рода правонарушения, негативные девиации и пр. Трансформационные процессы последних десятилетий сопровождались кризисными явлениями во всех сферах жизни и способствовали тому, что население стран постсоветского пространства в результате конфликтной атмосферы в значительной мере перешло от всеобщей государственной опеки к *"социально-экономической самозащите"* [5].

Всевозможные технологии самообеспечения населения добавочными средствами к существованию частично легализовались в процессе выработки рыночной стоимости услуг и товаров, в процессе коммерциализации различных социальных объектов и институтов, в процессе правовой реформы. И, тем не менее, в Украине, в частности, существует еще значительная часть населения, которая формально относится к малообеспеченным, бедным слоям, находящимся даже за чертой бедности, а реально — нормально существующим и сравнительно благополучным. Эта прослойка "потенциальных социальных аутсайдеров" во многом затрудняет реализацию социальной политики, особенно в государстве, которое делает первые и еще слабые шаги выхода из кризиса. Именно в таких условиях всевозможные мероприятия по оказанию помощи и поддержки малоимущим не доходят до них, а распространяются среди этих формально бедных слоев из которых, как правило, и состоит прослойка чиновников, занимающихся распределением помощи, обустройством жизни социальных аутсайдеров. Технологии контроля, к сожалению, всегда отстают от технологий "утечки средств". Ужесточение контроля, как правило, приводит к свертыванию демократических свобод и к тому же оказывается дорогостоящим мероприятием, которое под силу только развитому государству.

Процессы социально-экономической самозащиты, которые формировались за пределами правового поля общества и в своем остаточном варианте продолжают оставаться неофициальными, более наглядно проступают на институциональном уровне. Социальные институты зарождаются и получают право на жизнь благодаря общественным потребностям в их функциях. По мнению Э. Гидденса, это "как установившаяся практика, укорененная в пространстве-времени". И главное, что подчеркивает автор, важно не игнорировать *стратегическое поведение агентов*, имеющих достаточное представление об институци-

ональных структурах и функциях, и индивидуальные позиции при реализации каких-либо программ [2, 136].

Известно, природа социальных институтов включает в себя две основные составляющие: внешнеинституциональная сфера деятельности и внутриинституциональная. Механизмы социально-экономической самозащиты субъектов деятельности социальных институтов способствуют перераспределению функций последних. Доля и объем внутриинституциональных функций порой приравнивается к доли и объему внешнеинституциональных, а порой и превосходит. Вторые, общественные функции, безусловно, имеют формально организованный, социально значимый характер. Первые, наоборот, скрыты от посторонних глаз, нигде не зафиксированные, но существенно влияют не только на внутреннюю систему института, но и на внешнюю, более широкую систему. В этой связи в немецкой научной периодике появилось такое направление социологических исследований как исследование *институциональной ауры* отдельных подразделений, фирм, организаций. В этом подходе делается акцент на необходимости более полного погружения научных изысканий не только в объективные, субъективные или системные стороны исследуемого объекта, но и в морально смысловой дух, в невидимую атмосферу соорганизованности индивидов, групп. Институциональная аура — это своего рода институциональный менталитет, который может рефлексироваться субъектами как сознательно, так и на бессознательном уровне. Его значение для социологического анализа трудно переоценить, в то же время методология его изучения представляет сложную проблемную область.

В современной интерпретативной социологии все чаще появляются исследования, посвященные декодированию институциональных декларативных норм, социальных мифов, социального сценического мастерства, стереотипного политического мышления и т. п.: И. Гофман, Т. Адорно, Р. Парк, П. Бергер и Т. Лукман. Данных авторов объединяет идея о том, что при попытке изучения и объяснения социальных процессов и явлений исследователям важно учитывать возможность различной степени соотнесенности между формой (видимыми поступками, действиями, высказываниями) и скрытым ее содержанием, "между видимостью исполнения и скрытым его содержанием" [1]. Поэтому и получила данная современная традиция название интерпретативной, подразумевающей в социальных исследованиях большое значение индивидуальных и групповых трактовок, образов и "картин мира" на ряду с реально существующими явлениями.

На общетеоретическом уровне интерпретативный подход вливается в философскую теорию *виртуальности*. В семантическом наполнении этого слова исследователи находят различные варианты. Мы употребляем данный термин в смысле некой сконструированной реальности, предполагающей существование множества типов объектов, связей, но не реально, а потенциально и одновременно актуально. "Виртуальная реальность учитывается как противоположность константной реальности. Психологическая виртуальная реальность отражается в актуали-

зации образов и виртуальный тип воображения характеризуется тем, что человек воспринимает и переживает его не как порождение своего собственного ума, а как объективную реальность" [4].

В рамках социологии среднего уровня, где мы анализируем социальные процессы с точки зрения институционального подхода, термин "виртуальная реальность" используется нами для обозначения отраженной в сознании индивидов исключительно формальной части функций социальных институтов, которые переплетены с реально выполняемыми функциями. Термин *виртуальные функции* социальных институтов может использоваться только для условного выделения декларативного (вымышленного, приписанного, рекламируемого) из реального. В чистом виде виртуальность функций социальных институтов отразить невозможно. Они, как правило, документально оформлены, усиленно рекламируются, частично исполняются, подпадают под различные оправдательные модели поведения и поэтому присутствуют в сознании большинства индивидов в виде объективной, а не виртуальной реальности. Субъекты институциональной деятельности соорганизуются для определенных целей и функций, а на самом деле выполняют в том числе (или даже преимущественно) функции, близкие к обеспечению личных интересов или, как в нашем варианте, к социально-экономической самозащите. Образно это представлено в такой анекдотичной истории: когда Форд, чтобы встряхнуть своих менеджеров, задал им вопрос — "В чем наша главная цель?", ответ был — "Делать автомобили!" Ответ был не правильным. Главная цель, по мнению Форда, — это делать деньги.

Признание наличия двойственности социальной реальности по-новому ориентирует в целом социологическую исследовательскую практику. В сфере же анализа социальной политики оно позволяет объяснить многие сложности и проблемы ее реализации, связанные с недостаточным вниманием к формам удовлетворения потребностей. Удовлетворение индивидуально значимых потребностей в форме рационально рассчитанных и приспособленных под общественно полезные можно назвать термином Ю. Хабермаса - "фантом расчета поведения". Он неизбежно формируется на стыке индивидуальных и социальных интересов и в какой-то мере опредмечивается именно в институциональной ауре конкретных групп субъектов деятельности. Подобный фантом присутствует и в исследовательской среде, где та же атмосфера расчета поведения на стыке этических, профессиональных, и, с другой стороны, личных интересов, создает определенные негласные законы, а формальные нормы переводит в разряд внешних ритуалов. Свойства данного ментального явления "институциональной ауры", по мнению Ю. Хабермаса, складываются из "фантомов нормальности и уникальности", которые движут личностью с целью поддержки ролевой дистанции в обществе [1].

Литература

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация. — Санкт-Петербург, Алетея, 1999. — 272 с.
2. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. — М.: SocioLogica, 2001. — 306 с.
3. *Климов И. А.* Социологическая концепция Энтони Гидденса // Социологический журнал. — 2000. — № 1-2. — С. 121-149.
4. *Носов Н. А.* Виртуальная реальность // Вопросы философии. — 1999. — № 10. — С. 152-163.
5. *Теория социальной работы* / Под ред. Е. И. Холостовой. — М.: Юристъ, 2001. — 334 с.

Т. Г. Каменська

СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНИЙ САМОЗАХИСТ НАСЕЛЕННЯ В КОНТЕКСТІ ВІРТУАЛІЗАЦІЇ СУЧАСНОЇ РЕАЛЬНОСТІ

Резюме

У статті розглядається проблема соціально-економічного самозахисту населення у контексті віртуалізації сучасної реальності. Функції соціальних інститутів, які декларуються і рекламуються, в деякій мірі не збігаються з реальними функціями. "Фантом розрахунку поведінки" є підґрунтям віртуалізації функцій соціальних інститутів. У цих умовах у дослідженнях соціальних відносин важливо урахувати використання соціальних інститутів для соціально-економічного самозахисту.

Ключові слова: соціально-економічний самозахист населення, соціальні інститути, віртуалізація.

T. G. Kamenskaya

SOCIAL-ECONOMIC SELF-DEFENCE OF POPULATION IN THE CONTEXT OF VIRTUALIZATION OF MODERN REALITY

Summary

The article deals with the problem of social-economic self-defence of the population in the context of virtualization of modern reality. The functions of social institutions that are being declared and advertised, do not coincide with their real functions. "Phantom of behavior calculation" is the basis of virtualization of the functions of social institutions. Under these conditions it is important to take into consideration in researches of social relations the usage of social institutions for social-economic self-defence.

Keywords: Social-economic self-defence of the population, social institutions, virtualization.